

Л.Ю. Китова

Кемеровский государственный университет, Кемерово,
Россия
lyudmila.kitova@mail.ru

**ИСТОКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СИБИРИ¹**

L.Yu. Kitova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**SOURCES OF ENVIRONMENTAL APPROACH
IN THE ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF SIBERIA²**

ABSTRACT: The article analyzes paleoethnological concepts of S.I. Rudenko, S.A. Teploukhov, and B.E. Petri. The author proves that paleoethnological principles were taken as a basis of the interdisciplinary research in Siberia and the source of modern environmental approach.

¹ Статья написана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ, регистрационный № 33.1175.2014/К.

² The article was prepared as a part of completing state order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, registration number 33.1175.2014/К.

В результате внедрения в науку идей эволюционизма в 1860–1870-е гг. в отечественной археологии впервые было обращено внимание на взаимодействие человека и природы.

Д.А. Клеменц, естествовед по образованию, был одним из первых в Сибири исследователей, придававшим большое значение среде обитания древнего человека. Первобытный человек рассматривался им в качестве элемента природы, а благоприятные природно-климатические условия региона как предпосылки для освоения последнего. Так, исследователь полагал, что такой благоприятнейший район Сибири — долина Среднего Енисея — издревле избрана человеком для поселения [Клеменц, 1886, с. 10].

А.В. Адрианов развивал идеи Клеменца и также считал природную среду определяющим показателем при зарождении и развитии первобытной культуры. Удобные климатические условия, разнообразие флоры и фауны, плодородие земель, превосходные пастбища, обилие полезных ископаемых — все это, по его мнению, сделало вероятным первоначальное заселение Минусинской котловины человеком. Из этого центра первобытная культура распространялась по всей Сибири [Адрианов, 1904, с. 3–4].

Позитивизм стал предтечей экологического подхода, а его истоки нужно искать в палеоэтнологическом направлении, разработанном Д.Н. Анучиным в конце XIX в. на основе эволюционизма. С его именем связано формирование палеоэтнологической школы в Москве, а также идея комплексных исследований по археологии, этнологии и антропологии в сочетании с изучением естественной среды обитания древнего человека. В начале XX в. Петербургскую палеоэтнологическую школу возглавит Ф.К. Волков, лекции которого будут слушать такие в будущем известные исследователи Сибири, как С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, Б.Э. Петри. Они все получили университетское образование на естественном отделении физико-математического факультета. Например, Б.Э. Петри и С.И. Руденко специализировались на кафедре географии и этнографии Петербургского университета, когда этнография развивалась в контексте естественно-научных дисциплин и была тесно переплетена с географией и антропологией. С.А. Теплоухов находился под влиянием идей антропогеографии Ф. Ратцеля, которые он перенял у своего первого учителя, профессора кафедры географии и этнографии Казанского университета Б.Ф. Адлера.

С.И. Руденко в 1920-е гг. активно интересовался новейшими разработками британской географической школы. Он пропагандировал идею создания современного музея истории человечества, задумывая его как музей антропологии в широком смысле слова, соединяющий данные нескольких наук: физической антропологии, этнографии, археологии, географии, биологии. В нем, по замыслу автора проекта, каждая эпоха должна раскрываться на фоне лика земли, соответствующего времени, ее орографии, гидрографии, климатических зон, растительного и животного мира. С.И. Руденко подчеркивал: «В музее истории человечества народный быт будет жить только в обстановке своей среды, да и понят он может быть только в условиях ландшафта» [ПФА РАН, ф. 1004, оп. 1, д. 16, л. 5; Руденко, 1924, с. 38].

Согласно представлениям С. И. Руденко, С.А. Теплоухова и Б.Э. Петри физическая антропология, археология и этнография — это три органически связанных между собой дисциплины, предметом изучения которых является человек. Объект исследования у каждой из дисциплин был свой — антропологические, археологические и этнографические источники. Главной задачей палеоэтнологии, по мнению исследователей, было воссоздание первобытного прошлого человечества по трем видам источников. Комплексный подход предоставлял исследователям возможность не только реконструировать образ жизни первобытного человека, но и попытаться восстановить его этнический облик, определить связь с современными аборигенами [РО НА ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1922, д. 3, л. 32; Руденко, 1926, с. 61–78; Теплоухов, 1926, с. 88–94; Петри, 1928, с. 69–70].

Б.Э. Петри, следуя палеоэтнологическому принципу: человек — часть природы, отмечал, что ее изменения приводят к трансформации образа жизни человека. Исследователи до сих пор упрекают его в географическом детерминизме, однако, на наш взгляд, Б.Э. Петри великолепно

показал в своих работах, что климатические перемены всего лишь подтолкнули человека к новым занятиям, открытиям, изменениям в технике обработки камня или металлов. Благодаря формированию новых навыков, умений, в конце концов, развитию ума человек смог приспособиться к изменившимся условиям жизни [Петри, 1923а; 1923б; 1926; 1928]. При исследовании поселений для него очень важна была подробная физико-географическая характеристика местности с описанием окрестных гор, рек, озер, инсоляции, господствующего ветра и следов его деятельности. Для характеристики образа жизни первобытного человека Б.Э. Петри собирал информацию о рыбных и охотничьих угодьях, о топях, об их расположении относительно поселения, о возможности ловли рыбы неводом; выявлял места, где брали воду, камень, глину [Петри, 1923а]. Таким образом, ученый считал важным исследовать памятник в природном контексте и получать дополнительные сведения, которые помогали реконструировать прошлое древнего человека.

Изменение образа жизни первобытного человека от бродячего охотника к оседлому рыбаку Б.Э. Петри связывал с потеплением климата, изменением растительного и животного мира в конце четвертичной эпохи. Археологически эту трансформацию он зафиксировал как переход от палеолита к неолиту [Петри, 1926].

Отличные от Минусинских степей физико-географические условия в Прибайкалье — наличие таежных лесов и горных кряжей, по мнению Б.Э. Петри, определили замедленные темпы развития культур в данном регионе. Граница леса послужила непреодолимой преградой для проникновения в северные районы скотоводческой бронзовой культуры [Петри, 1926, с. 34]. Ученый констатировал длительное существование неолита, отсутствие эпохи бронзы и смену неолита железным веком, когда автохтонное население было вытеснено новыми племенами [Петри, 1928, с. 45–54].

С.А. Теплоухов придавал большое значение природным условиям, в которых развивались первобытные культуры. В Минусинском крае он отмечал наличие очень благоприятных сырьевых ресурсов: «обильные зверем и птицей угодья, прекрасные пастбища, плодородные почвы, ... богатые металлические рудники» [Теплоухов, 1927, с. 57]. Так, быстрый переход от камня к бронзе и раннее развитие бронзовой культуры на юге в Минусинском крае С.А. Теплоухов объяснял наличием больших запасов руд [АРЭМ, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 5]. Он считал, что необычайное разнообразие окружающей среды в Минусинской котловине гарантировало население от тяжелых последствий колебаний климата.

Исследователь полагал, что в ранние эпохи естественные границы были труднопреодолимы для «массовых переселений народов и проникновения чуждых культур целиком» [Теплоухов, 1927, с. 57]. Тем не менее, С.А. Теплоухов предполагал, что «...причинами миграции народов были периодические изменения в климатических условиях Азии» [ГАПК, ф. 613, оп. 3, д. 167, л. 2]. Он отмечал, что «... в благоприятных условиях Европы детализировались те культурно-исторические процессы, которые, возникая в Азии, в зависимости, по-видимому, от изменений физико-географических условий, охватывали громадные пространства всего обширного материка» [Теплоухов 1929, с. 41]. Область проживания отдельных этносов С.А., Теплоухов ставил в зависимость от географических границ района: «С естественнo-историческими районами совпадают и культурно-бытовые зоны. Как бы ни были велики колебания этнических границ в различные моменты жизни народов Северной и Центральной Азии, они всегда, в конце концов, останавливались на географических границах» [Теплоухов, 1929, с. 41–42]. Эти «культурно-бытовые зоны» Теплоухова были предвестниками понятия «хозяйственно-культурные типы».

Многолетние археологические исследования Д.Г. Савинова на территории Минусинской котловины не только убедили в правильности предположений С.А. Теплоухова о зависимости развития археологических культур от природно-климатических условий, но и привели к постановке и решению проблемы взаимосвязи географических особенностей отдельного региона и процессов культурогенеза, происходивших на его территории. В результате Д.Г. Савинов предложил новое

понятие «культурно-экологическая область» [Савинов, 2007а, с. 5–6; 2007б, с. 213–215]. Палеоэтнологический подход С.А. Теплоухова дал импульс для комплексного изучения экологии и культуры раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири [Савинов, Длужневская, 2008, с. 5, 211–225].

Итак, палеоэтнологические концепции и комплексный подход Б.Э. Петри, С.А. Теплоухова и С.И. Руденко, явились символом интеграции наук. В современной археологии ученые на новом уровне возвратились к палеоэтнологическому направлению исследований. Столь модный экологический подход, по сути, это — тот же палеоэтнологический. Методологические принципы обоих этих направлений основываются на различных методиках междисциплинарных изысканий, раскрывающих процессы взаимодействия человека, природы и общества в широких хронологических рамках от древности до этнографической действительности. Необходимо помнить, что в Сибири у истоков этих идей стояли Б.Э. Петри, С.А. Теплоухов и С.И. Руденко.

Список литературы

1. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 61 с.
2. ГАПК. Ф. 613. Оп. 3. Д. 167. Л. 2.
3. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох. Томск, 1886. 185 с.
4. Петри Б.Э. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск: ВСОРГО, 1923а. 15 с.
5. Петри Б.Э. Сибирский палеолит. Иркутск: ВСОРГО, 1923б. 47 с.
6. Петри Б.Э. Сибирский неолит. Иркутск: ВСОРГО, 1926. 39 с.
7. Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928. 73 с.
8. ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.
9. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1922. Д. 3. Л. 32.
10. Руденко С.И. Музей истории человечества // Музей. 1924. Вып. 2. С. 35–41.
11. Руденко С.И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции (Государственного Русского музея) 1924–1925 гг. Л.: ГРМ, 1926. С. 61–78.
12. Савинов Д.Г. От редактора // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2007а. С. 5–6.
13. Савинов Д.Г. Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2007б. С. 213–215.
14. Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2008. 170 с.
15. Теплоухов С.А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции (Государственного Русского музея) 1924–1925 гг. Л.: ГРМ, 1926. С. 88–94.
16. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 57–112.
17. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // МЭ. 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 41–62.

Список сокращений

ГАПК — Государственный архив Пермского края
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН